

Стивен Кинг

Взаперти

Часть сборника
После заката (сборник)

Стивен Кинг

Взаперти

«АСТ»

2008

Кинг С.

Взаперти / С. Кинг — «АСТ», 2008

«Каждое утро Кертис Джонсон проезжал на велосипеде пять миль. После смерти Бетси он ненадолго забросил эту привычку, но без велопрогулок стало совсем грустно, и он опять начал кататься, только теперь без шлема. Две с половиной мили по бульвару Галф, поворот – и назад. Кертис никогда не съезжал с велодорожек. На свою жизнь ему было плевать, но закон он уважал...»

© Кинг С., 2008

© АСТ, 2008

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Стивен Кинг

Взаперти

1

Каждое утро Кертис Джонсон проезжал на велосипеде пять миль. После смерти Бетси он ненадолго забросил эту привычку, но без велопрогулок стало совсем грустно, и он опять начал кататься, только теперь без шлема. Две с половиной мили по бульвару Галф, поворот – и назад. Кертис никогда не съезжал с велодорожек. На свою жизнь ему было плевать, но закон он уважал.

На бульваре Галф – единственной улице Черепашьего острова – стояло множество роскошных особняков, принадлежавших миллиардерам. Кертис на особняки даже не смотрел. Во-первых, у него самого денег куры не клевали (он заработал их старомодным способом – играя на фондовой бирже); во-вторых, никаких проблем с хозяевами этих особняков у Кертиса не было. Проблемы возникли только с Тимом Грюнвальдом (он же – Паскуда), а тот жил на другом конце бульвара. Его дом стоял на предпоследнем участке. Последний участок – самый лакомый, с лучшим видом на Мексиканский залив и единственный без дома – был главной, хоть и не единственной, причиной раздоров между Кертисом и Грюнвальдом. Нам нем росли только сорняки, кусты, низкорослые пальмы да несколько австралийских сосен.

Самый приятный момент в велопрогулках заключается в том, что можно не брать с собой телефон. Дома Кертис редко выпускал из рук трубку, особенно в часы работы биржи. Он был в хорошей форме – разгуливал по комнатам с радиотелефоном, время от времени возвращаясь к компьютеру; иногда брал с собой мобильный и выходил на улицу. Обычно он сворачивал направо, к концу бульвара – в сторону особняка Паскуды. До самого дома, конечно, не доходил – такого удовольствия он бы Грюнвальду не доставил. Кертис только проверял, не пытается ли Паскуда оприходовать участок Винтона. Конечно, Грюнвальд нипочем бы не смог провезти бульдозер или кран мимо недремлющего соседа – без Бетси под боком сон у него стал чуткий, как никогда, – но Кертис все равно за ним приглядывал, обычно спрятавшись в тени последней из двадцати двух пальм. Мало ли. В конце концов, именно этим Паскуда и занимался – уничтожал пустые участки, погребая их под тоннами бетона и цемента.

И Паскуда был хитер.

Пока все шло хорошо. Попытайся Грюнвальд застроить участок, Кертис быстро прижал бы его к стенке (в юридическом смысле). Паскуда еще не ответил за смерть Бетси – вот и ответит. Ничего, что Кертис потерял вкус к борьбе (себе он в этом не признавался, но в глубине души прекрасно понимал). Грюнвальд ответит по полной программе. Он узнает, что у Кертиса Джонсона зубы из стали... *хромированной стали*... и если он вцепится ими в глотку, то уже не отпустит.

Вернувшись домой в тот четверг, за десять минут до открытия биржи на Уолл-стрит, Кертис, как всегда, проверил сообщения голосовой почты. Их было два. Один из «Серкит-сити» – наверное, звонили узнать, доволен ли он плазменным телевизором, купленным в прошлом месяце, и под этим предлогом хотели впарить что-нибудь еще. Перейдя к следующему сообщению, Кертис прочитал: «383-0910 П.». Номер Паскуды. Даже его «нокия» знала номер Грюнвальда – Кертис сам ее научил. Вопрос: что могло понадобиться Паскуде этим будним июньским утром?

Может, он хочет мира. На условиях Кертиса.

Посмеявшись над своей догадкой, Кертис прослушал сообщение. И обомлел, узнав, что именно этого и хочет Паскуда – ну или *делает вид*, что хочет. Уловка? Но зачем? Да и говорил

¹ A Very Tight Place // © Перевод. Е. Романова, 2010

Паскуда странно: тяжело, медленно, еле ворочая языком. Если это не скорбь, то очень похоже. Последнее время Кертис и сам так разговаривал, пытаясь вернуться в игру.

– Джонсон... Кертис, – с трудом пробормотал Грюнвальд и умолк, словно его смутило употребление личного имени. – Я больше не могу воевать на двух фронтах. Давай покончим с этим. Мне все надоело. Я в тупике, сосед. Взаперти. – Он вздохнул. – Я откажусь от участка – просто так, мне ничего не нужно. И возмещу ущерб за твою... за Бетси. Если тебе это интересно, приезжай в Деркин-Гроув. Я пробуду там весь день. – Долгое молчание. – Последнее время я часто там бываю. До сих пор не верится, что проект провалился, но, с другой стороны, я не удивлен. – Опять молчание. – Наверное, ты меня понимаешь.

Кертис понимал. Он и сам перестал чувствовать рынок. Что еще хуже, он потерял к нему интерес. Кертис поймал себя на подозрительной жалости к Паскуде. Ну и голос у него...

– Мы ведь были друзьями, – продолжал Грюнвальд, – помнишь? Я помню. Вряд ли мы снова подружмся – слишком далеко все зашло, – но хоть станем соседями. Сосед. – Вновь тишина. – Если ты не приедешь на Грюнвальдс-Фолли, я просто велю своему адвокату все уладить. На твоих условиях. Но... – Тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием Паскуды. Кертис подождал. Он сидел за кухонным столом и не мог разобраться в своих чувствах. Через несколько минут разберется, но пока он был в полной растерянности. – Я хочу пожать тебе руку и извиниться за треклятую собаку...

Грюнвальд сбился и вроде бы – невероятно! – всхлипнул, потом в трубке щелкнуло, и автоответчик сказал, что новых сообщений нет.

Кертис немного посидел в ярком пятне флоридского солнца, которое даже в этот ранний час жарило, несмотря на кондиционер. Потом пошел в кабинет. Рынок открылся; цифры на экране компьютера начали свое бесконечное движение. Кертис понял, что они ничего для него не значат. Оставив миссис Уилсон короткую записку – «Уехал по делам», – он выскочил из дома.

Рядом с «БМВ» в его гараже стоял мотороллер, и Кертису почему-то захотелось поехать на нем. После моста придется пересечь главную магистраль, но ему это было не впервой. Сняв с крючка ключ и услышав звяканье брелока, Кертис ощутил знакомый укол горя и боли. Он думал, со временем это чувство пройдет, но сегодня обрадовался ему, как старому другу.

Неурядицы между Кертисом и Тимом Грюнвальдом начались из-за Рикки Винтона, богатого старика, с годами превратившегося в маразматика. Прежде чем превратиться в труп, он продал Кертису Джонсону пустой участок на краю Черепашьего острова. За полтора миллиона долларов. В обмен на задаток в сто пятьдесят тысяч он вручил ему закладную, нацарапанную на обратной стороне рекламного буклета.

Кертису было немного совестно, что он так воспользовался стариком. С другой стороны, Винтон (владелец компании «Провода и кабели Винтона») с голоду бы не умер, и хотя полтора миллиона – смешная цена за участок на берегу Мексиканского залива, это все же не *гроши*, учитывая ситуацию на рынке.

Ладно, ладно, гроши. Но Кертис был убежден, что в любви и на войне все средства хороши, а бизнес, конечно, разновидность последнего. Свидетелем при подписании договора была домработница Винтона – та самая миссис Уилсон, что работала и у Кертиса. Позже он понял, что сглупил, но тогда действовал сгоряча.

Примерно через месяц после продажи незастроенного участка Кертису Джонсону Винтон продал его Тиму Грюнвальду, Паскуде. На сей раз цена была более здравой – 5,6 миллиона долларов, и Винтон (не дурак, а тот еще проходимец, даром что при смерти) получил в задаток полмиллиона. При сделке присутствовал садовник Паскуды (оказавшийся и садовником Винтона). Тоже не самый надежный свидетель, но Грюнвальд, как и Кертис, рубил сгоряча. Только горячность Кертиса происходила из желания сохранить первозданную красоту Черепашьего острова – хотя бы самого его кончика. Так ему хотелось.

Грюнвальд, напротив, считал эту землю идеальным участком для строительства многоквартирного дома или даже двух (Кертис прозвал их Паскудскими Башнями-Близнецами). Во Флориде подобные дома вырастали всюду, как одуванчики на запущенных лужайках, и Кертис догадывался, кто на них слетится: идиоты, решившие на старости лет пожить в Раю. Четыре года будет идти стройка, а потом остров заселят старики с мешочками для мочи, болтающиеся между цыплячьих ног. И старухи в козырьках от солнца, которые курят «парламент» и не подбирают за своими модными собачонками дерьмо на пляже. Ах да, еще перемазанные мороженым малолетние линдси и джейсоны, нудящие: «Ты обещал свозить меня в Диснейленд!» Кертис умрет от их недовольных воплей, к гадалке не ходи.

Не бывать этому, решил он. Расстроить планы Грюнвальда оказалось нетрудно. Неприятно, конечно, и Кертису участок не достался (вероятно, *никогда* не достанется), но Паскуда его тоже не получит. Как и многочисленные родственнички Винтона, сбежавшиеся оспаривать подписи на договорах, точно тараканы на лакомый кусок. Земля теперь принадлежала адвокатам и судам.

То есть никому.

А с никем Кертис умел работать.

Тяжбы длились уже два года, и Кертис потратил на адвокатов почти четверть миллиона долларов. Он пытался думать, что жертвует деньги какому-нибудь замечательному фонду по охране окружающей среды – «Джонсонпис» вместо «Гринписа», – но эти взносы из подоходного налога никто не вычитал.

Грюнвальд выводил Кертиса из себя. Отсудить участок стало для Паскуды делом принципа – он ненавидел проигрывать (тогда Кертис тоже ненавидел, сейчас уже меньше), и у него было много личных проблем.

От Грюнвальда ушла жена – Личная Проблема № 1. Она перестала быть миссис Паскудой. Личная Проблема № 2: Грюнвальд перенес какую-то операцию. Кертис точно не знал, рак это или что, но из больницы «Сарасота мемориал» Паскуда выкатил в инвалидном кресле, потеряв фунтов двадцать – тридцать веса. На ноги-то он встал, но поправиться не смог – с некогда крепкой шеи теперь свисали мешки дряблой кожи. И что-то стряслось с его пугающе здоровым бизнесом. Прибыв на место, где Паскуда развернул свою бескомпромиссную кампанию, Кертис увидел это собственными глазами. Деркин-Гроув – недостроенный городок-призрак – расположился на материке, в двадцати милях к востоку от Черепашье острова.

Глядя на него, Кертис чувствовал себя генералом, обзревающим руины вражеского лагеря. Моя жизнь, в сущности, блестящее спелое яблочко, думал он. Хотя после смерти Бетси все изменилось. Очень бойкая даже в старости, она семнадцать лет была ему лучшим другом. Бишон-лионы обычно не живут дольше пятнадцати. Гуляя по пляжу, она всегда таскала в зубах красную резиновую кость. Когда Кертис хотел включить телевизор, достаточно было крикнуть: «Бетси, тащи сюда тыкалку!», и она сразу приносила пульт. Она ужасно этим гордилась. Кертис, понятно, тоже.

А потом Грюнвальд поставил между своим и Кертисовым участком электрическую изгородь. Паскуда!

Он говорил, что напряжение пустил невысокое и при необходимости может это доказать. Кертис ему верил, но много ли надо старой собачонке с плохим сердцем? И вообще, на кой черт ему понадобилась электрическая изгородь? Грюнвальд и без того установил кучу прикамбасов от грабителей – видимо, злоумышленники должны были пролезть в Паскудово имение через участок Кертиса. Дураку ясно, что настоящие воры приплыли бы на лодке и пробрались к дому со стороны канала. Нет, Грюнвальд нарочно поставил изгородь, чтобы насолить ненавистному Кертису и, если повезет, ранить его возлюбленную собачонку. Или даже *убить* возлюбленную собачонку? Кертис никогда не плакал, но, снимая бирку с ее ошейника, невольно разрыдался.

Кертис подал на Грюнвальда в суд, требуя возместить стоимость собаки – тысячу двести долларов. Если б он мог потребовать десять миллионов (примерно во столько Кертис оценивал боль, пронзавшую его всякий раз, когда он видел на журнальном столике чистый, не обслуженный пульт), то сделал бы это, не раздумывая, но адвокат сказал, что в гражданских исках боль и страдания в расчет не идут. Вот при разводе – пожалуйста, а с собакой такое не пройдет. Кертис остановился на тысяче двухстах долларах и твердо решил их получить.

Паскудовы адвокаты заявили, что забор был протянут в десяти ярдах от границы между участками, и сражение – *второе* по счету – началось. Оно шло уже восемь месяцев. Судя по тому, как адвокаты тянули волюнку, они понимали, что Кертис прав. А раз Грюнвальд зажал какую-то тысячу баксов, стало быть, для него это такое же дело принципа, как для Кертиса. Услуги адвокатов обходились недешево, но деньги больше не имели значения ни для одной из сторон.

Проезжая по трассе 17 – раньше она шла вдоль пастбищ, которые теперь превратились в заросшие кустарником пустыри («Только дурак стал бы тут строиться»), – Кертис думал лишь о том, что внезапный поворот событий его не радует. От такой победы сердце должно выпрыгивать из груди, а оно не выпрыгивало. Скорей бы встретиться с Грюнвальдом, выслушать его предложение и покончить с этим дерьмом. Конечно, участок Винтона наверняка достанется родственничкам-тараканам, и они тоже захотят возвести на нем жилой дом, но разве теперь это имеет значение? Нет.

Кертису хватало и своих проблем, хотя они скорее касались его душевного покоя, нежели семьи (упаси Господи), финансов или здоровья. Начались они вскоре после того, как Кертис нашел во дворе окоченевший труп Бетси. Кто-то счел бы это неврозом, сам же он предпочитал называть свое состояние тоской.

Теперьешнее равнодушие Кертиса к фондовому рынку, который завораживало его с тех пор, как в шестнадцать лет он открыл для себя биржу, было самой очевидной составляющей этой тоски, но никак не единственной. Кертис начал замерять свой пульс и считать взмахи зубной щетки. Он больше не мог носить темные рубашки – впервые со школы у него появилась перхоть. Белая короста омертвевшей кожи покрыла черепушку Кертиса и хлопьями сыпалась на плечи. Когда он скреб ее гребнем, поднимался целый ураган мерзкого снега – просто ужас. И все-таки порой Кертис заставлял себя за этим занятием: когда разговаривал по телефону или сидел за компьютером. Раз или два у него даже пошла кровь.

Он скреб и скреб. Взрыхлял белую гадость. Глядя на «тыкалку» на журнальном столе и вспоминая (разумеется) счастливую Бетси. У людей редко бывают такие счастливые глаза, тем более за выполнением домашних обязанностей.

«Кризис среднего возраста», – говорил Сэмми (раз в неделю он делал Кертису массаж). «Тебе бы кого-нибудь отыметь», – говорил Сэмми, но своих услуг не предлагал.

Хотя насчет кризиса среднего возраста звучало правдоподобно. Впрочем, так звучит весь новояз двадцать первого века.

То ли спектакль по делу Винтона вызвал этот кризис, то ли кризис был виной разгоревшейся вражды, но теперь каждый укол боли в груди наводил Кертиса на мысли о сердечном приступе, а не о несварении; еще его преследовал страх, что он лишится всех зубов (хотя они никогда не давали поводов для беспокойства), а после апрельской простуды он решил, что ему грозит полный и безоговорочный упадок иммунитета.

Была еще одна маленькая проблема, необъяснимое желание, о котором Кертис не решился поведать ни врачу, ни даже Сэмми, а ведь ему он рассказывал *все*.

Сейчас оно застигло его на пустынной трассе 17, которая и раньше была не самой оживленной, а теперь, когда проложили автостраду № 375, и вовсе обезлюдела. Прямо на заросшей с обеих сторон кустами дороге («Нет, ну какой *дебил* будет здесь строиться?!»): насекомые

жужжали в высокой траве, лет десять не выдавшей коров, гудели линии электропередачи и солнце било по непокрытой шлемом голове, как молот с ватной накладкой.

Кертис знал, что сама мысль о желании может его вызвать, но толку-то?

Он остановился рядом с указателем на Деркин-Гроув (холмик со стрелкой, указывающей на злополучную деревню, уже зарос травой) и поставил «веспу» на нейтральную передачу. Мотороллер уютно заурчал, и Кертис сунул два пальца в рот – пришлось запихать руку почти до браслетов «на счастье».

Кертис наклонился и выблевал свой завтрак. Он делал это не с тем, чтобы избавиться от съеденного; уж что-что, а булимия ему не грозила. Приятен был сам процесс. Сдавленная грудь, разинутый рот и напряженная гортань – все тело оживало, готовясь исторгнуть содержимое желудка.

Все запахи – зелени, дикой жимолости – вдруг усилились. Свет стал ярче, солнце палило так, словно с молота сняли ватную накладку; кожа на загривке едва не шипела, и, быть может, именно в этот миг в составе клеток происходили необратимые изменения, они объявляли себя вне закона и устремлялись к хаотическим землям меланомы.

Кертису было плевать. Он ожил. Поскреб пальцами стенки горла и выблевал остатки пищи. На третий раз из него вышли только длинные нити слюны, чуть розоватые от крови из горла. Вот теперь можно отправляться в Деркин-Гроув, Паскудов недостроенный Ксанаду на безмолвных, напоенных пчелиным жужжанием просторах округа Шарлотт.

Кертис аккуратно ехал по правой колее заросшей проселочной дороги и вдруг понял, что Грюнвальд – не единственный, кто сейчас «взаперти».

Деревня Деркин-Гроув вымерла.

В колеях еще непокрытых асфальтом дорог и в котлованах (у многих домов не было даже фундамента) стояла вода. Зрелище, представшее Кертису – недостроенные магазины, тут и там ржавое оборудование, желтые ленты, – было воплощением если не разрухи, то финансовых неурядиц. Кертис не знал, что вызвало такой перерасход (дело Винтона, развод с женой, болезнь или тяжба из-за собаки), однако перерасход средств был налицо. Кертис понял, что случилось, еще до того как подъехал к знаку у открытых ворот.

СТРОЙКА ЗАКРЫТА

**ОКРУЖНЫМ ДЕПАРТАМЕНТОМ
ПЛАНИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА,**

**НАЛОГОВЫМ БЮРО ШТАТА ФЛОРИДА,
НАЛОГОВЫМ УПРАВЛЕНИЕМ США.**

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ЗВОНИТЬ 941-555-1800

Снизу какой-то умник приписал:

НАБЕРИ ДОБАВОЧНЫЙ 69 И СПРОСИ ГЕНЕРАЛА ЛИЗУНА!

Асфальт закончился; дыры в дорожном покрытии начинались сразу за первыми тремя зданиями – двумя магазинами с одной стороны улицы и экспериментальным домом с другой. Дом был в стиле Кейп-Кода, и от одного его вида у Кертиса кровь застыла в жилах. «Веспа» вряд ли проехала бы по грунтовой дороге, поэтому он остановил ее рядом с экскаватором, лет сто простоявшим на месте: на дне ковша уже выросла трава. Двигатель мотороллера умолк, и образовавшуюся пустоту заполнила тишина. Каркнула ворона. Ей ответила другая. Кертис поднял глаза: три черных птицы сидели на лесах, опутавших незаконченное кирпичное здание, которое вполне могло стать банком.

Теперь это могильная плита Грюнвальда, подумал Кертис, однако не смог выдавить из себя улыбку. Ему захотелось поплевать, но в самом конце улицы он увидел человека и белый седан с зеленым логотипом в виде нарисованной пальмы. Над пальмой было написано: «Грюнвальд». Под пальмой: «Строительство и подряд». Человек махал рукой. Грюнвальд зачем-то приехал на служебном автомобиле, а не на своем «порше». Как знать, может, он и его продал. Или машину конфисковало налоговое управление – вместе с остальным имуществом на Черепашьем острове. В таком случае участок Винтона сейчас волнует Грюнвальда меньше всего.

Надеюсь, за собаку ему хватит расплатиться, подумал Кертис. Он помахал Грюнвальду и, вытащив ключ, врубил сигнализацию (чисто машинально; в такой дыре «веспу» угонять было некому, но он привык заботиться о своих вещах). Кертис сунул ключ в карман брюк, к мобильному телефону, и двинулся навстречу соседу по несостоявшейся Мэйн-стрит. Пора положить конец распрям, если это вообще возможно. Кертис старательно обходил лужи, оставшиеся после ночного ливня.

– Здорово, сосед! – крикнул Грюнвальд.

На нем были штаны защитного цвета и растянутая футболка с логотипом его компании. Если не считать россыпи красных пятен на щеках и почти черных кругов под глазами, лицо у него было белое. И хотя голос звучал бодро, выглядел Паскуда болезненней, чем обычно. Уж не знаю, что ему хотели вырезать, подумал Кертис, но им это явно не удалось. Правую руку Грюнвальд держал за спиной – Кертис предположил, что в кармане штанов. Однако он ошибся.

Чуть дальше на изрытой грязной дороге стоял трейлер – видимо, передвижной офис. На маленькой присоске болталась прозрачная папка с длинным объявлением; Кертис различил только два слова: «Не входить». Да, у Паскуды действительно неприятности. Тони пришлось несладко, как сказал бы Ивлин Во.

– Грюнвальд, – поздоровался Кертис.

Хватит с него и такого приветствия; после того что Паскуда сделал с Бетси, большего он не заслуживал. Кертис остановился футах в десяти от соседа, чуть расставив ноги над лужицей. Грюнвальд стоял в такой же позе. Кертису пришло в голову, что это очень кинематографично – именно так заклятые враги в ковбойских фильмах решают свои дела на единственной улице города-призрака.

– Здорово, сосед! – повторил Грюнвальд и рассмеялся.

Подозрительно знакомый смех... Ну и что? Разумеется, Кертис слышал, как Грюнвальд смеется. Вот только когда... За спиной Паскуды, напротив трейлера и неподалеку от служебного автомобиля стояло несколько биотуалетов; их основания уже заросли травой и цветами. Землю перед ними размывало дождевыми потоками (днем на Черепашьем острове природу часто обуревал гнев), и получилась канава, еще немного – и ручей. Поверхность стоячей воды затянуло пылью и пылью, так что она почти не отражала голубое небо. Будки накренились впе-

ред, словно могильные плиты от мороза. Видно, строителей здесь работало немало, потому что был и пятый туалет, только он уже перевернулся и лежал в канаве дверцей вниз. Последний штрих в картине полной разрухи, доказывающий, что проект Грюнвальда – безумный с самого начала – с треском провалился.

Одна ворона слетела с лесов вокруг недостроенного банка и полетела по голубовато-белесому небу, каркая на двух людей внизу. В высокой траве безразлично жужжали насекомые. Кертис вдруг почуял запах туалетов. Давно же их не чистили!

– Грюнвальд, – повторил он и добавил (поскольку теперь это было необходимо): – Что тебе нужно? Ты хотел поговорить?

– Сосед, нужно не мне, а *тебе*.

Паскуда опять засмеялся и внезапно умолк. Тут Кертис понял, где он слышал этот смех: в конце голосового сообщения, оставленного Грюнвальдом. Не всхлип, а сдавленный смешок. У Паскуды был больной вид. Не просто больной – безумный.

Конечно, он спятил. Потерял все, что имел, и спятил. А ты приперся сюда один-одинешенек, олух. Чем ты думал?

После смерти Бетси Кертис вообще мало думал. Ему все было безразлично. Но тут уж стоило поднапрячь мозги.

Грюнвальд улыбался. Или скалился?..

– Смотрю, ты без шлема, сосед. – Он покачал головой, по-прежнему улыбаясь, как полоумный. Немытые волосы упали ему на уши. – Жена не отпустила бы тебя без шлема, но у таких, как ты, жен не бывает. Только собаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.